

Армии дивизион Гершельмана. Генерал Марков проскакал с ординарцами мимо своих частей, здороваясь на ходу, и скрылся вдали. Колонна шла. Сделали один привал, уже на подходе к селу – второй.

По колонне передали команду:

– Ротные командиры к командиру полка!

Чуть в стороне, с левой стороны от дороги сгрудились возле Маркова и Тимановского ротные, туда же подъехали верхами Миончинский и Гершельман. Получив указания, вернулись к своим подразделениям.

Полк стал на дороге. Вперёд выдвигались заставы. От шедшей в авангарде 4-й роты отделились два взвода и пошли вперёд, влево от дороги. В незначительном отдалении за ними – вся рота. Один взвод 1-й роты двинулся прямо по дороге, другой взял правее. Конница Гершельмана ушла на рысях влево и скрылась за холмами. Едва заставы удалились на расстояние до километра, полк в походном порядке продолжил движение.

Лежанка располагалась на равнине, за высоким гребнем и рекой Средней Егорлык. Видна была лишь приближающаяся верхушка церковной колокольни. И речка, и село скрывались за холмом. Вдруг, высоко над колонной расплылось в небе белое облачко. За ним другое, третье... Это были разрывы шрапнели. Советская батарея в Лежанке открыла огонь...

6.3. Лежанка

Трудно определить даже и приблизительное число бойцов, оборонявших «Лежанский план». Можно лишь предположить, что противостояли Добровольческой армии от 800 до 1000 солдат. Часть сил 39-й пехотной дивизии осела в селе ещё при выдвижении соединения на Кубань. Другая часть, неполного состава батальон 154-го Дербентского полка⁶⁵ и две батареи 39-й артиллерийской бригады, очевидно, были направлены из

---

⁶⁵ 123-й дивизии 5-го Кавказского армейского корпуса. По свидетельству Н.Н. Львова в бою за Лежанку принимали участие офицеры 491-го Варнавинского полка. Вероятно, это всё же ошибка, обусловленная активным участием «варнавинцев» в последующих боях.

Тихорецкой с задачей стать заслоном и преградить добровольцам путь в восточном направлении. На митингах фронтовикам из местных жителей, коих было великое множество, предлагали присоединиться, чтобы остановить и уничтожить кадетов, которых, предполагалось, идёт из Ростова *немного*. Хотя село считалось зажиточным⁶⁶, недостатка в желающих не оказалось. Солдаты, лишь недавно вернувшиеся домой с фронта, в большинстве сочувствовали большевикам. Поддержал начинания прибывших и только что организовавшийся местный ревком, решения поселкового схода проигнорировавший. Проживало в Лежанке более четырёх тысяч человек. Почти каждое хозяйство, каждый двор проводили на войну одного, а то и двух пехотинцев. Село по праву называлось солдатским. И думается, число в 400-500 местных фронтовиков, присоединившихся к «дербентцам», не выглядит завышенным. Всем выдали по винтовке и несколько обойм на человека.

Вдоль северо-западной окраины, у моста и посреди спускающихся к реке огородов вырыли в одну линию окопы, оборудовали пулемётные гнёзда. Орудия стояли на открытых позициях у церкви и за селом, с южной его стороны. О каких-либо попытках возвратившихся от Корнилова делегатов уговорить фронтовиков пропустить добровольцев и предотвратить бое столкновение очевидцы не упоминают. Военные приготовления были в разгаре, свернуть их было уже невозможно. Да и договариваться не с кем. Единого командования в Лежанке, судя по всему, просто не существовало.

Едва на гребне показались добровольческие цепи, орудия открыли огонь. О корректировке никто не озаботился, шрапнель разрывалась высоко над головами и вреда не причиняла.

Перед селом скрытая от противника холмами Добровольческая армия развернулась в боевой порядок. Офицерский полк генерала Маркова⁶⁷ должен был штурмовать село в лоб и во-

⁶⁶ Н.Н. Львов утверждает, что сельское «сообщество» владело огромными земельными угодьями, до 100 тысяч десятин. При этом лишь меньшая часть использовалась как пахотные земли.

⁶⁷ Маркову также была подчинена и Техническая рота, которая наступала на левом фланге и чуть позади Офицерского полка.

рваться в него, перейдя на другой берег по деревянному, основательно выстроенному мосту. Правый фланг «марковцев» составил Чехословацкий батальон.

За ним разворачивался Юнкерский батальон. И, наконец, ещё правее скрытно, по балкам выдвигался для охвата западной окраины села Корниловский ударный. Туда же ускакал и Корнилов с конвоем. За его спиной, как и всегда, гордо развевалось на ветру трёхцветное знамя.

На левый фланг, обогнув сворачивающийся в вагенбург⁶⁸ обоз, выдвигался Партизанский полк.

Замысел операции не отличался особой изощрённостью. «План боя был очень прост, – вспоминал А.П. Богаевский, – да и трудно было предпринять сложный манёвр в наших несложных условиях: он вполне соответствовал обстановке и заключался в решительном ударе с фронта, с обходом фланга.

Верховному главнокомандующему, ещё так недавно управлявшему 10-миллионной армией, пришлось под Лежанкой решать одну из боевых задач, какие мне приходилось давать в окрестностях Красного Села юнкерам Николаевского кавалерийского училища, где я 10 лет был преподавателем тактики.

...Бой под Лежанкой был для Добровольческой армии первым боевым экзаменом. И она блестяще его выдержала. Почти все остальные многочисленные бои похода имели такой же характер и план. *Но уже в этом бою ярко сказался недостаток у нас конницы: ни хорошей разведки, ни энергичного преследования не было. И в других боях мы постоянно это чувствовали».*

Тем временем цепи Офицерского полка стали спускаться с гребня на равнину. До речки перед самым селом надо было пройти километра три. Незначительный кавалерийский разъезд противника, погарцевав перед ними, поспешил проскочить через мост на ту сторону. И тут же солдаты из Лежанки открыли беспорядочный ружейно-пулемётный огонь. Однако расстояние было ещё слишком велико, и особого беспокойства атакующие какое-то время не испытывали.

Добровольцы шли, не ложась. Ускорившись, одним рывком

---

⁶⁸ Оборонительное расположение обоза на месте стоянки.

приблизились к реке. Средний Егорлык оказался неширокой равнинной речкой, с обоих берегов густо заросшей камышом. Выйдя к воде, цепи Офицерского полка упёрлись в неё и залегли под непрерывающимся обстрелом. Два орудия 1-й батареи поддерживали атаку, заняв позиции у самого гребня холма. Весь огонь артиллеристы сосредоточили на батарее противника, и она вынуждена была сняться и укрыться за домами.

На левом фланге начал, наконец, выдвигаться уступом влево Партизанский полк. На рысях проскакала поддерживающая его 4-я батарея.

Генерал Марков принял решение силами двух рот⁶⁹ произвести демонстративную атаку моста, а остальным приказал форсировать реку справа и слева от него. Сделать это было не так просто. Речка с заболоченными берегами, не менее 20 метров шириной, почти полностью вскрылась ото льда. Стрельба из окопов не прекращалась ни на минуту. К тому же, сбита была большевистская батарея, лишь поменяла позицию и, став на новой, в свою очередь сосредоточила свой огонь на 1-й батарее.

Миончинский приказал взяться на передки и подобраться поближе. Два орудия встали на открытую позицию в зоне действия ружейного огня, передки ушли за ближайший бугор. Ставшим слева орудием командовал сам подполковник Миончинский. В любом манёвре, любом действии он принимал непосредственное участие. Стоя на снарядном ящике, определял и указывал цели. Подав команду, тут же соскакивал и хватался за правило, ворочая вместе с номерами орудие. Случалось, отталкивал наводчика и занимал его место. Раздавался выстрел, и командир батареи уже вновь стоял на ящике, наблюдая разрыв. Командный голос Миончинского во все моменты боя перекрывал и грохот разрывов, и свист пуль над головой. Казалось, своим примером и неиссякаемой энергией он старается вдохновить подчинённых, бывших юнкеров, лишь несколько дней назад ставших офицерами...

Правым орудием командовал штабс-капитан Шперлинг,

---

⁶⁹ Мост оказался не столь широк, как казалось с гребня. Поэтому атаковала его лишь одна рота.

ставший за наводчика и ни на минуту от прицела не отходивший. Команды подавал он негромко, вполголоса, но выполнялись они беспрекословно, деловито и точно. Так же точно стреляло и оружие. После выстрела над щитком поднималась белая папаха штабс-капитана, Шперлинг высматривал разрывы. Вновь подавалась команда, суетились номера, следовал новый выстрел...

1-я батарея серией разрывов накрыла окопы у моста. Огонь защитников Лежанки чуть ослаб, и добровольцы не преминули этим воспользоваться. Марков с Тимановским уже были у реки и поднимали 2-ю роту в атаку на мост. 4-я рота – слева, 1-я и 3-я – справа должны были поддержать атаку и форсировать реку при помощи *любых подручных средств*. Взвод поручика Кромм был остановлен за мостом и, отвлекая пулемётчиков противника на себя, открыл ответный огонь, в том числе и из ротных пулемётов.

В это время 3-й взвод 1-й роты под командованием капитана Згривца, зайдя в камыши, не остановился и продолжил движение. Цепь добровольцев вдруг оказалась на свободной воде. До камышей противоположного берега было не больше 20 шагов, глубина – по пояс. Взвод рванулся вперёд, однако илистое дно чрезвычайно затрудняло движение. С каждым шагом ноги проваливались в грязевую жижу по колени. Некоторые пытались плыть, но в промокших, отяжелевших шинелях сделать это было не так-то просто. Заметили угрозу и на противоположном берегу. Солдаты из окопов на огородах переносили огонь на застрывший посреди реки 3-й взвод.

Тут Миончинский, внимательно наблюдавший за полем боя, накрыл окопы очередью шрапнели, что позволило добровольцам форсировать, наконец, реку и вновь скрыться в камышах. Выйдя из них на берег, взвод, не раздумывая, устремился в штыковую атаку. Солдаты не выдержали и, оставив окопы, толпой побежали к станице. Штабс-капитан Згривец разделил взвод надвое. Два его отделения преследовали противника, два других взяли влево и стали заходить в тыл защитникам моста.

Вся выстроенная система обороны, будто картонный домик,

рухнула в несколько минут. Причём, в самом центре, где позиции казались вполне пригодными для успешного сдерживания наступающих. Солдат охватила паника. Как и бывает часто в подобных случаях, за первыми побежавшими последовали и все остальные⁷⁰. Никто не мешал уже Офицерскому полку перебраться через реку. Две роты прошли по мосту, слева от него 4-я рота перешла реку вброд и также опрокинула оставшихся на позициях защитников Лежанки. Правее форсировала реку 3-я рота, частью вброд, частью на обнаруженных в камышах лодках. Сопротивление никто уже не оказывал. Лишь одинокий пулемётчик-солдат, не побежавший из окопов, подпустил добровольцев поближе и всё отстреливался, пока не был заколот на своём пулемёте⁷¹. Добровольцы достигли уже окраины села. Марков шёл с головным взводом. Вдруг генерал заметил вышедших навстречу офицеров 1-й роты и в недоумении остановился.

– А вы откуда взялись? – только и вымолвил он, не скрывая удивления.

Тут же он перенацелил роты. 1-й было приказано преследовать большевиков по центральной улице, 3-я рота обходила село справа, 2-я и 4-я – слева. Офицеры начали собирать не успевших отступить от моста пленных.

– Пленными не заниматься, – зло выкрикнул Марков. – Ни минуты задержки. Вперёд!

---

⁷⁰ Предпринимались, впрочем, попытки прекратить панику и остановить бегущих. Толпу солдат, отступающих от огородов, пытались организовать двое верховых в погонах. Не ожидая встретить противника на левом берегу, приняв за красногвардейцев перемазанных в иле добровольцев Згривца, они подскакали к взводу вплотную. Один из них, прапорщик, крикнул: «Товарищи! Собирайтесь на Соборную гору! Кадеты штурмуют мост».

Добровольцы произвели залп в упор. Оба офицера (именно их Н.Н. Львов называет «варнавинцами», но по всей вероятности были они офицерами 154-го Дербентского полка) были застрелены на месте.

Когда в апреле Армия вновь проходила через Лежанку, на кладбище среди свежерытых могил, выделялась одна, с надписью на доске: «Барон, прапорщик Борис Николаевич Лисовский. Убит бандой Каледина 21 февр. 1918 г.»

Так что, и офицеры тоже бывали разными. Находились и такие, кто, провоевав бок о бок с солдатами, связали с ними свою судьбу. И пошли до конца...

⁷¹ В памяти народной сохранилось имя героя-пулемётчика – Роман Никифорович Бабин. Дом его стоял на самой площади.

Тем временем 1-й офицерский батальон Корниловского полка развернулся в цепь и наступал в общем направлении на гать⁷². Переправляться вброд никому не хотелось. Роты, выходя к реке, поневоле скучились у переправы. На другом берегу возвышались кирпичные печи со складскими строениями, которые, несомненно, могли бы поспособствовать обороне. Однако прорыв Офицерского полка через мост поколебал стойкость защитников Лежанки. Большая их часть, бросив окопы, устремилась через село к близлежащим рощам, в которых и рассеялась. «Корниловцев» встретили лишь редкие винтовочные выстрелы, брошенные пулемёты молчали.

Первой переправилась 3-я офицерская рота, за ней – весь полк и Юнкерский батальон. Сразу же были заняты кирпичные печи и вся западная окраина села. Немногочисленные солдаты бежали к церкви. 50-60 человек сдавшихся по приказу Неженцева были расстреляны на месте. Корниловский полк без сопротивления занял западную и южную окраины села.

В центре два отделения взвода капитана Згривца из последних сил преследовали бегущих солдат. Те даже не отстреливались. Добровольцы стреляли на бегу им в спину, отставших прикалывали штыками. Выскочили на площадь. У церкви стояли четыре горных орудия. Поручик Успенский подал команду атаковать. Прислуга тут же разбежалась, трое в погонах сдались⁷³. На площадь подтянулась вся 1-я рота. Продолжать преследование не оставалось уже сил. Бой закончился⁷⁴.

На левом фланге длинная цепь Партизанского полка всё ещё наступала прямо по вспаханному полю. Стрельба стихла. Противника перед фронтом уже не было. Богаевский подал команду, сотни неспешно свернулись в походную колонну.

⁷² Земляная дамба.

⁷³ Стоявшая у ветряных мельниц на южной окраине села ещё одна батарея успела сняться и уйти, оставив 3-й роте Офицерского полка лишь зарядный ящик.

⁷⁴ Переправившийся вслед за Офицерским полком Чехословацкий батальон, несмотря на приказ оставаться в селе, с разбега выскочил на окраины и преследовал большевиков далеко в степь. Ушла в преследование и немногочисленная добровольческая конница, однако, солдаты успели уже рассеяться. Пришлые же, в большинстве, поспешили отойти на Белую Глину, едва лишь Офицерский полк ворвался на мост.

Роты Офицерского полка вошли с двух сторон в Лежанку. 4-я рота привела с собой многочисленных пленных. Появился проверяющий своих людей Марков.

– На кой чёрт вы их взяли?! – закричал он. И не дожидаясь ответа, поскакал дальше.

Во 2-й роте также всё было благополучно. Марков проследовал на площадь. Тут за его спиной раздались выстрелы. Беглый огонь не прекращался несколько минут. Потом всё стихло.

– Узнать в чём дело, – приказал генерал ординарцу.

Тот вскоре вернулся и доложил:

– Стрельба по вашему приказанию, Ваше превосходительство⁷⁵.

На площади к Маркову подвели пленных офицеров артиллеристов.

– Ты не капитан! – в гневе крикнул он командиру батареи. – Расстрелять!

Но подъехал Корнилов и отменил приказ:

---

⁷⁵ Вот что пишет по поводу массового расстрела пленных в Лежанке, да в последующем, и в других сёлах и станицах М.Н. Левитов: «Озверели и мы в те проклятые времена гражданской войны и поэтому, действительно, в половине 1-го Кубанского похода, от Ростова до Екатеринодара, в плен не брали. Это на деле выражалось в том только, что мы проходили, не пристреливая, мимо тех, кто просто лежал, быть может, симулируя, но в бегущих от нас велась стрельба. За этот же отрезок времени наши раненые, попадавшие к большевикам, все бывали перебиты, а труп генерала Корнилова после издевательств сожгли и выстрелили из пушки... Таковыми были тогда нравы гражданской войны». Случались, конечно, исключения, но в подавляющем большинстве обе стороны пленных действительно не брали. И дело не только в том, что после оставления Ростова ожесточение достигло максимума. В бою не на жизнь, а на смерть сошлись два полярных мира, сосуществование которых в пределах досягаемости, было очевидно невозможным. Справедливости ради следует отметить, что для Добровольческой армии, находившейся в постоянном оперативном окружении, по отношению к пленным возможностей было только две. Либо отпустить на все четыре стороны, в полной уверенности, что тут же они вновь будут вооружены противником и пойдут в новый бой. Либо расстреливать. Конвоировать и таскать пленных за собой Армия не могла. О том, чтобы влить захваченных солдат и красногвардейцев в свои ряды, не было пока и речи. Армия по сравнению с противником была столь мала, организм её столь однороден, что вкрапление любого чужеродного элемента ставило под угрозу само её существование. Время ещё не пришло...

– Сергей Леонидович! Офицер не может быть расстрелян без суда. Предать суду...⁷⁶

Армия между тем вошла в Лежанку. Втянулся в село Партизанский полк. Подошла, наконец, и Техническая рота, действиями которой Марков оказался недоволен. Рота, продвигаясь за Офицерским полком, наступала перебежками, то и дело залегая, хотя её никто и не обстреливал. В результате переправилась через мост, когда всё давно уже было кончено. Тут же полковник Н.И. Кандырин был снят с должности, а роту принял полковник Н.Д. Банин. Этим давалось понять, что в бою нет техников или железнодорожников. Все – пехотинцы, и дорог каждый штык.

Добровольцы разбрелись по селу, занимая хаты для ночлега. Улицы будто вымерли. Лишь военнопленные австрийцы, задействованные в селе на хозяйственных работах, без опаски бродили возле хат, полагая, что внутренняя русская междоусобица их не затронет⁷⁷. Тут и там какое-то время раздавались ещё одиночные выстрелы. Вылавливали отставших и не сумевших спрятаться солдат. Расстреливали без особого разбирательства за найденную рядом винтовку, за патроны в карманах брюк, за защитную гимнастёрку. Многих это возмутило⁷⁸. Стрельба, наконец, прекратилась.

Хозяева в большинстве разбежались, оставшиеся попрятались по хатам и всячески старались угодить постояльцам. Впрочем, и здесь неукоснительно выполнялся приказ Корнилова: за всё платить и мирных жителей не обижать. Другое дело, что определяли, кто мирный, а кто нет, на месте и руководствовались при этом исключительно субъективными факторами.

---

⁷⁶ В своё оправдание офицеры-артиллеристы заявили, что вообще ничего не знали о существовании Добровольческой армии, а батарею не могли покинуть по той причине, что их семьи оставались под наблюдением. Полевой суд по одним данным счёл вину недоказанной, по другим – осудил, но тут же и помиловал. Так или иначе, все три офицера, штабс-капитан Шпилиотов, командир батареи и два подпоручика вошли в состав Армии и были зачислены в 4-ю батарею.

⁷⁷ По свидетельству Р. Гуля ночью их закололи чехословаки.

⁷⁸ Н.Н. Львова неприятно удивило участие в расстрелах баронессы Бодэ, молодой красивой девушки, дочери генерала, погибшей впоследствии в безнадежной конной атаке в Садах под Екатеринодаром.

Тут и там у плетней лежали неубранные трупы. Выделенные команды подбирали оружие. При ничтожном расходе собственных боеприпасов добровольцам удалось захватить значительное количество вооружения – пулемётов, винтовок, патронов и даже четыре орудия 5-й горной батареи⁷⁹. Кроме того, были захвачены значительные запасы сахара, военные и интендантские склады, что для лишённой централизованного снабжения Армии также было совсем не лишним.

Разгром был полный. Армия потеряла четырёх человек убитыми⁸⁰ и до двадцати ранеными. Потери защитников Лежанки только лишь убитыми исчислялись сотнями⁸¹.

«Этот первый в походе правильный бой, окончившийся полной нашей победой, – пишет А.П. Богаевский, – имел для Добровольческой армии огромное нравственное значение. Явилась твёрдая вера в Корнилова и других начальников, уверенность в своих силах и в том, что лучший способ разбить большевиков – решительное наступление, не останавливаясь перед естественными преградами, сильнейшим огнём и превосходными силами противника. Была сделана взаимная боевая оценка врагов – и в нашу пользу...

Добровольцы увидели перед собой многочисленного, хорошо вооружённого противника, занимавшего сильную позицию, но скоро убедились в отсутствии у него стойкости войск и толкового управления боем...»

⁷⁹ Выяснилось вскоре, что орудия без замков. По рассказам местных жителей, замки были сняты убежавшими номерами и брошены «в какой-то колодец». Обшарили колодцы, была обещана награда в 1000 руб. за находку, но замков так и не нашли. Лишь запаслись запасами амуниции из склада, да поймали и привели в 1-ю батарею несколько оставленных артиллерийских лошадей.

⁸⁰ Все из взвода поручика Кромм, прикрывавшего переправу Офицерского полка.

⁸¹ Р. Гуль записал песню, сложенную в Лежанке после боя с Добровольческой армией. Вот о чём в ней пелось:

«...А пехота дострелялась,
Что патронов уже нет,
Хоть она и утерjala
240 человек...»

Я. Александров говорит о 600 убитых солдатах. Учитывая тот факт, что было расстреляно немалое число пленных, следует признать – если эти данные, и завышены, то ненамного.

Но вместе с появившейся уверенностью в способности Армии решать на поле боя, казалось бы, невыполнимые задачи, неизбежно возникала иллюзия, что и другие бои закончатся успешно вне зависимости от численности, вооружения и организации противника.

Любопытно, что бой в Лежанке повлёк за собой и иные, чисто организационные мероприятия. И добровольцы, и солдаты⁸² были в большинстве своём однотипно вооружены и экипированы. И даже и на незначительном расстоянии выглядели совершенно одинаково. По счастливой случайности, а скорее, из-за скоротечности боя, обстрела своих подразделений не случилось. Тем не менее, Корнилов приказал незамедлительно нашить на фуражки и папахи отличительные знаки – полосы белой материи. То же самое сделали вскоре и большевики. Только материя была красного цвета.

Эти нашитые полосы, вероятно, и послужили первопричиной скорого повсеместного распространения терминов «красные» и «белые».

Весь следующий день добровольцы отдыхали в Лежанке и приводили себя в порядок. Поскольку решение о дальнейшем движении Армии Корниловым было принято окончательно, к Походному атаману генералу П.Х. Попову был послан конный разъезд в 15 сабель из офицеров 6-го Донского казачьего полка под командованием подполковника С.Н. Ряснянского с предложением присоединиться к уходящей с Дона Добровольческой армии⁸³.

С.Н. Ряснянский

⁸² Рабочих и матросов в Лежанке не было.

⁸³ Сам Ряснянский трактует предписание Командующего несколько иначе. По его словам Корнилов сообщил ему, что «некоторые из донских партизанских отрядов хотят отделиться от генерала Попова» и приказал проследовать к месту расположения Донского отряда и привести означенные отряды в Армию.

23 февраля (8 марта) Ряснянский выехал из Лежанки и в тот же день вернулся в незанятую большевиками Егорлыкскую. В дальнейшем он следовал на восток, останавливаясь на днёвки в зимовниках. В одном из них, зимовнике Янова, Ряснянский и наткнулся на штаб Попова. Понимая всю деликатность своей миссии, он без обиняков рассказал атаману о цели своего прибытия и попросил разрешения переговорить всё же с командирами отрядов на предмет присоединения к добровольцам.

– Сомневаюсь, чтобы наши партизаны согласились ехать к генералу Корнилову, – ответил атаман. – Сейчас у нас боевое настроение. Мы взяли Великокняжескую и поднимаем калмыков.

Тем не менее, на следующее утро Попов в сопровождении Ряснянского проследовал в Великокняжескую, где были собраны командиры донских отрядов. Ряснянский повторил предложение Корнилова присоединиться к Добровольческой армии, уходящей на Кубань, и вновь оно было отклонено.

«Ген. Попов считал, – пишет Ряснянский, – что уходить сейчас из Донских степей нет смысла, можно начать работу против большевиков отсюда. Идти к ген. Корнилову было далеко, рискованно, он был на «чужой» земле, а здесь «своя», донская.

В результате *разговоров* было решено, что отряд ген. Попова остаётся в Великокняжеской и отсюда начнёт борьбу с красными, а в Добровольческую армию никто не пойдёт».

Более того, в Донской отряд перешёл и весь конвой подполковника. При нём оставался лишь младший брат, корнет. Поэтому в конце совещания Ряснянский сообщил, что следующим утром отправляется в обратный путь, и попросил выделить ему сопровождение. Попов охотно выполнил его просьбу.

Днём 26 февраля (11 марта) Ряснянский в сопровождении разъезда из десятка молодых казаков под командой подъесаула донской артиллерии Нефёдова оставил расположение Донского отряда. В 15 километрах к югу от Великокняжеской Ряснянскому указали зимовник, в котором были расстреляны оставившие Армию генерал Складовский и полковник Роженко. Тела их были извлечены из колодца и преданы земле.

В дальнейшем отряд обогнул с севера Лежанку и проследо-

вал через станции Новороговскую и Незамаевскую к линии железной дороги. Полотно пересекли севернее Новолеушковской, занятой уже советской конницей. Преодолев за двое суток свыше 200 километров, Ряснянский вышел, наконец, к Иркилевской, где и соединился со своими. На подходе к станции отряд подполковника был обстрелян охранением, но обошлось без жертв.

Через час он уже докладывал Корнилову о результатах своей поездки.

– Ну, что делать... – коротко ответил Командующий, отпуская Ряснянского.

Пути добровольцев и донцов разошлись, о взаимодействии, даже о связи, теперь не могло быть и речи. Каждый отряд пошёл своей дорогой и впредь действовал на свой страх и риск, что, без сомнения, ослабило как одних, так и других. Существует мнение, что Корнилову не следовало уходить с Дона, как впрочем и полярное ему, заключающееся в том, что, напротив, Попову с отрядом необходимо было не только идти вместе с добровольцами на Кубань, но и подчиниться Корнилову, стать под его команду... У каждой из этих точек зрения есть свои сторонники и противники, каждая опирается на заслуживающую внимания аргументацию...

Вот что пишет по этому поводу Н.Н. Головнин: «...единственно правильным стратегическим решением было уйти в степи подальше от железных дорог и там переждать перемену настроения казаков.

...прав был Донской походный атаман Попов; приняв такое решение, он сохранил кадры для будущего восстания. Малочисленность Добровольческой армии требовала не менее бережливого к ней отношения, и поэтому стратегия «прямого» и «скорейшего» воздействия на события должна была уступить место более осторожной и глубоко продуманной стратегии. Принятое решение немедленного наступления на Кубань являлось типичным выявлением стратегии «прямого действия». По игре судьбы за подобное решение стоял стратегически мудрый и опытный генерал Алексеев, за «стратегию непрямого действия» в данном случае стоял генерал Корнилов. Но важно не то, что Алексеев

мог сделать ошибку, а Корнилов, несмотря на свой крайне импульсивный характер, мог принять осторожное решение. Важно то, что, вопреки тому, что решения генерала Корнилова имели для Армии несравненно большее моральное значение, чем решения Алексеева, в жизни всё-таки проводится решение ген. Алексеева. Невольно возникает вопрос: почему же много мудрых решений генерала Алексеева отбрасывались и не исполнялись, а его редкая стратегическая ошибка проводится в жизнь и при этом, в этом редком случае, Корнилов уступает, будучи правым?

Здесь приходится иметь дело с влиянием среды, которая окружала Корнилова и которая требовала упрощённых и кратчайших стратегических действий. Стратегическое мышление было ослеплено переживаемыми чувствами⁸⁴.

А вот мнение М.Н. Левитова: «...расхождение сил генерала Корнилова и генерала Попова переживалось очень тяжело и часто потом вспоминалось недобрым словом. Коллективное или личное решение генерала Корнилова идти на Кубань считалось у нас⁸⁵ самым целесообразным. Для руководства мысли об этом вспомним оценку каждого боя вообще Генералиссимусом князем Кутузовым: «Бой важен не сам по себе, а своими последствиями».

...что мог сделать генерал Попов со своих зимовников и без базы? Действительность показала, что морально он, быть может, на какую-то часть Дона повлиял, но активности не проявил, потому что просто не мог её проявить. И выступил только тогда, когда «товарищи» допекли казаков. Теперь коснёмся того, чего они тогда нас лишили и как мы это тогда себе представляли:

1) Самым существенным тогда для нас было – это простое увеличение на одну половину нашей Добровольческой армии;

2) При наличии двух Верховных Главнокомандующих генерал Попов, безусловно, им бы подчинился, что до него уже сделали выдающиеся генералы и офицеры Дона, а с этим создавалось бы единство командования;

⁸⁴ В этом Н.Н. Головин не прав. Речь шла не о стратегическом мышлении, а о том, быть или не быть Добровольческой армии, и в этих условиях личные амбиции, тем более «переживаемые чувства», не могли иметь большого значения при принятии решений.

⁸⁵ У офицеров Корниловского полка.

3) Две трети отряда генерала Попова составляла конница, которой Добровольческая армия почти не имела, а это получилось бы: 1500 донских плюс 300 наших, а всего 1800 шашек. Если к этому прибавить 5 донских орудий и 40 пулемётов, то всякий ефрейтор поймёт, что мы тогда не просто бы отбрасывали противника, а уничтожали бы его. Кубанская армия не ушла бы из Екатеринодара до нашего прихода, и была бы полная уверенность, что и Новороссийск был бы наш, – это окно к союзникам, которые для создания заслона против немцев дали бы нам много. *Вот что мы тогда потеряли с уходом степняков генерала Попова*».

По прошествии стольких лет трудно судить о том, что могло бы быть, но чего не было. Можно лишь попробовать сделать осторожное предположение. Пожалуй, М.Н. Левитов во многом прав, и для *общего* дела было всё же лучше, если генерал П.Х. Попов присоединился бы к Добровольческой армии и пошёл с Корниловым на Кубань. Причины и ход Общедонского восстания весьма в малой степени зависели от нахождения на востоке Донской области отряда Попова, тем более от гипотетического присутствия добровольцев. *И не Донской отряд составил кадры «будущего восстания»*. Для этого он был слишком мал. Весьма вероятно, восстание совершилось бы и победило *и без Степного похода*.

Но пойдя Попов с Корниловым, его *конный* отряд вполне мог стать той каплей, которая позволила бы добровольцам наносить противнику куда более чувствительные поражения и штурмовать Екатеринодар при принципиально ином соотношении сил. А уж взятие и удержание столицы Кубани в конце марта (в середине апреля) 1918 г., бесспорно, влекло за собой самые непредсказуемые перспективы и последствия⁸⁶.

Но выбор был сделан, и события развивались именно так, как и развивались. И никак иначе...

Утром 23 февраля (8 марта) Армия покидала Лежанку. На

---

⁸⁶ Впрочем, сразу же появляется столько новых неучтённых факторов (например, когда и на каких условиях был бы подписан в этом случае Брестский мир; или, что предприняли бы немцы, выйди они к обширному району, занимаемому Добровольческой армией) столько «если» и «но», что дальнейшие рассуждения теряют смысл. Тем более, не стоит забывать, что той информацией, которой исследователи обладают сейчас, ни Корнилов, ни Попов не могли располагать в принципе.

сборном пункте за селом части ожидали своей очереди и занимали определённые места в разворачивающейся колонне. На этот раз Партизанский полк шёл впереди, а в арьергарде – Офицерский с 1-й батареей⁸⁷. Светило солнце. Было тепло и сухо. Проходя по твёрдой, укатанной грунтовке, о недавней непролазной грязи даже не вспоминали.

Вскоре полные оптимизма и возродившихся надежд добровольцы пересекли границу Кубанской области...

6.4. На Кубани

6.4.1. Февраль. Размежевание

Для того чтобы понять, с каким противником предстояло столкнуться Добровольческой армии и что её ждало на Кубани, необходимо хотя бы вкратце остановиться на ситуации, сложившейся в области к концу февраля (началу марта) 1918 г.

Кубань с пугающей точностью повторила путь, проделанный ранее Доном. События развивались, будто скопированные с одних и тех же матриц.

Едва Екатеринодара достигли слухи о победе Февральской революции в Петрограде, из числа членов Городской Думы и различных либеральных организаций организовался Екатеринодарский Городской Революционный Совет, который путём кооптации выделил из себя Областной Исполнительный Комитет, руководимый исполнительным бюро в составе пяти человек⁸⁸. Вновь назначенный «начальник городской полиции» Симановский прибыл к Наказному атаману Кубанского войска

---

⁸⁷ На рассвете дивизион Глазенапа был направлен Корниловым в сторону села Белая Глина для демонстрации последующего движения Армии якобы в восточном направлении и отвлечения внимания противника от реального маршрута на юго-запад.

⁸⁸ Под председательством директора войсковой реальной школы, члена партии кадетов кубанского казака В.В. Скидана. По примеру Екатеринодара в городах, сёлах и станицах Области ускоренно формировались Советы и Комитеты с функциями местной власти.

3 марта собрание выборных от предприятий объявило себя Советом рабочих депутатов. 5 марта исполком Совета избрал президиум под председательством эсера меньшевика Д.Ф. Сверчкова.